

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МНОГОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

З. М. Исламов

*Доктор дилологических наук, профессор,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан*

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF MULTILINGUAL WORKS IN EASTERN LANGUAGES

Z. M. Islamov

*Doctor of Philological Sciences, professor,
Tashkent Islamic University,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The eastern classic literature often contains peculiar kinds of works in multiple languages. This can be explained by the fact that local people had a good command of several languages, including Arabic, Persian, Turkic and were able to create works in these languages. Competence in these languages ensures the authenticity of translations of a work in other languages. Undoubtedly, Mahmud Zamakhshari's *Muqaddamatu-l-Adab* is one of such works. Presently, there are over 70 different copies of the work, (bilingual) Arabic- Persian, Arabic-Turkic, (trilingual) Arabic-Persian-Turkic and (quadrilingual) Arabic-Persian-Turkic-Mongolian. N. Poppe, Mongolian studies scholar, explored and translated the work's Mongol word list on the basis of its Turkic part. Since the work was originally written in Arabic, literal translation of phrases changed their meaning. The article focuses on the translations in the N. Poppe's *Mongolian dictionary Muqaddamatu-l-Adab* that were analyzed and studied comparatively with reference to the copies in Arabic and Persian.

Keywords: Mahmud Zamakhshari, N. Poppe, *Muqaddamatu-l-adab*, bilingual Arabic- Persian, Arabic-Turkic, trilingual Arabic-Persian-Turkic and quadrilingual Arabic-Persian-Turkic-Mongolian, manuscript, authentic text, translation.

Восточная классическая литература выделяется своей многосторонностью и огромными возможностями применения художественного стиля. Высокий художественный уровень представленных трудов требует от переводчика большой ответственности, глубоких знаний восточных языков и богатого опыта. Как известно, переводы в основном осуществляется с одного языка на другой. Для высокого уровня перевода произведения требуется знание двух восточных языков в совершенстве. В нашем богатом духовном наследии есть такие произведения, для перевода которых недостаточно знать двух восточных языков. В качестве примера можно привести двухязычные, трехязычные и четырехязычные словари. Незнание языка текста оригинала приводит к искажению смысла перевода. Одним из таких уникальных произведений считается труд Махмуда Замахшарий «Мукаддамату-л-адаб» «Введение в

изящную словесность». В настоящее время рукопись этого единственного в мире уникального четырехязычного арабо-персо-тюрко-монгольского произведения хранится в Музее литературы имени Алишера Навои в Ташкенте. Нам известно, что Н. Н. Поппе перевел и исследовал тюркский и монгольский пласт словаря [7, с. 6.]. Но арабский и персидский варианты словаря не были привлечены к исследованию. Ученый при передачи смысла тюркских слов, сочетании и фраз опирался на монгольский пласт словаря. Это привело к неправильному толкованию некоторых тюркских слов и глаголов. Автор указывает на то, что произведение с оригинала на арабском языке было переведено на монгольский и тюркские языки дословно. Н. Поппе тоже, в свою очередь, перевел дословно слова и в результате смысл текста отделился от значения оригинала. Например, [3,

с. 393.2] фраза «қонини олди андин» Н. Поппе переводит как «пустил ему кровь» [7, II. с. 135], что меняет смысл фразы «у него взяли кровь». Но, «қассаху мин фуланин» глагол с арабского означает «отомстил кому-то, взял реванш» [1, с. 639]. Персидский вариант «қасос кашидаш аз фулон» означает «взял реванш у кого-то». Выше упомянутая фраза на тюркском «қонини олди андин» дано в этом значении, именно «отомстить, взять реванш». Это значение подтверждает и другие части труда: [4, с. 129.3] «қасос гирифт аз фулан», «қасос олди фаландин», [5, с. 88.5] «қасос ситонад барои вай, қасос олди андин фалан учун», «он отомстил ему».

Таким образом, приведенная выше фраза – «взял реванш», «отомстил» полностью передает смысл и соответствует значению оригинала.

Арабское словосочетание «инжазамал-фёьлу» в тюркском словаре переводится как [3, с. 432а.3] «мажзум бўлди фёьл» – «глагол поставлен в усеченной форме». В словаре Н. Поппе это предложение переведено как «дело было решено» [7.1.235]. Глагол «инжазама» означает «ставить глагол в усеченной форме». Во вспомогательных списках этот пример приводится как [4.с.176а.1] «жазм бўлди музореъ фёьли», [5, с. 116а.7] «кесилди фёьл сўнги харакатдин» – «глагол поставлен в усеченной форме». В обеих рукописях глагол одинаково переводится, то есть речь идет об условном наклонении глагола. Соответственно, фразу «мажзум бўлди фёьл» необходимо комментировать как «глагол находится в условном наклонении».

Хоть переводы некоторых глаголов внешне кажутся правильными, но при сравнении с арабским оригиналом и персидским вариантом выясняется, что перевод не отражает смысл оригинала. В частности [3, с. 224а.3] глагол «зафара» в арабском означает «глубоко вздохнул, тяжело вздохнул». В вышеупомянутой работе Н. Поппе его тюркский вариант «совук тинди» [7.II.226] переведен как «холод закончился». Здесь этот глагол хоть по форме означает «холод

закончился», но в данном тексте подходит перевод «глубоко вздохнул».

В произведении [3.224а.3] глагол «саббахум» дается как «танкля эрта келди анлар уза». Вышеупомянутая фраза в работе Н. Поппе [7.II.233] прокомментирована как «завтра рано утром пришел к нему». Этот перевод не совпадает со значением глагола в арабском языке и не подходит по форме. Значит, эту фразу соответственно надо перевести как «рано утром пришел к нему» или «ранним утром пришел к нему».

Другой пример, в словаре Н. Поппе «кунаш бўлди кунимиз» переведено как «солнце было жарким» [7.II.423]. Арабское «шамаса йавмуна» в произведении на тюркский язык [3.229а.4] переводится как «кунаш бўлди кунимиз» «день был очень жаркий» [2.326]. В арабском языке слово «йавмун» имеет значение только день. Поэтому вышеупомянутое предложение нужно перевести не как «солнце было жарким» а «день был очень жаркий». Этот контекст подтверждает и вспомогательный список источника [5. 7а.1] – «куйашлу бўлди кунимиз».

Неправильное произношение тюркского слово тоже приводило к искажению смысла слов в произведении. Например: [3.224.3] арабский глагол «замара» на персидском варианте приводится как «най зад», а на тюркском «тутук урди» – «играл на флейте». Н. Поппе этот глагол переводит как «закинул занавес, закрыл занавесом» [7.II.129]. Слово «тутук» имеет два значения, первое «занавес», второе «флейта» [8.III.1572]. Также этот глагол можно произнести «урди» и «хурди». Глагол «ур» произносится твердо и означает смысл «бить» [2.614], если произносить мягко, то означает «дуть» [2.626]. В дополнительных списках данный глагол [5.5а.2] комментируется как «играл на флейте». Эквивалент глагола на персидском «най зад» передан правильно как «играть на флейте». Если анализировать монгольский вариант словаря, то слово «чавур» – «флейта»

прочитано в виде «чадур» – «занавес», которое привело к неправильному пониманию смысла глагола. Основываясь на вышеперечисленных доводах этот глагол необходимо привести в форме «тутук урди» и перевести в виде «играть на флейте».

Фраза на арабском «тафассаха фи каламихи» [3.488 б.2] на тюркский язык переведена как «уз сўзлади сўзи ичинда» – «искусно говорил слово». В словаре Н. Поппе фраза «ўзи сўзлади сўзи ичинда», то есть комментирован как «сам говорил между его словами». Как мы предполагаем, автор слово «ўз» – «искусно» [2.620] прочитал как «ўзи» «сам» и это привело искажению смысла слово. В другой копии этот глагол переведен как [4.189а.9] «фасихлик кўргазди сўз ичинда» – «искусно говорил в своей речи». Вариант на персидском языке тоже полностью передает смысл фразы «фасоҳат намудеш дар сухан» – «искусно говорил в своей речи».

В некоторых примерах неправильное произношение букв приводило к изменению смысла глагола, фразы. Например, арабский глагол [3.314б.4] «шабақа» передается на тюрки как «шахвати атик бўлди» – «он был сладострастным». Слово «шахват» – «сладострастие» Н. Поппе прочитал как «шухрат» – «слава» и комментировал его как «его слава быстро распространилась» [7.П.154]. В копиях этот глагол переведен как [4.78а.1] «орзулуғ бўлди жимоъга», [6.39б.7] «бийик шахват бўлди» – «он был сладострастным».

Сравнение тюркских глаголов рукописи с арабскими и персидскими вариантами выявило некоторые неточности в словаре Н. Поппе, например слово «дод» – «жалоба» встречается дважды [3.521б.4] «дод тилади султондин» – «он жаловался правителю» [7.П.137]. Второй глагол приводится в форме «дор тилади андин» – «дом просил у него» [7.П.133]. В оригинале труда не встречается вариант «дор тилади андин» – «дом просил у него». Кроме этого, в «Муқаддамату-л-адаб» слово «дор» не использовано в смысле «дом». Из

вышеизложенных ясно, что фраза «дор тилади андин» не означает «он попросил дом», а должна быть переведена как «он пожаловался ему».

С арабского «такаййаха-л-журху» [3.502б.4] означает «рананагноилась». Эта фраза на тюрском передается в виде «иринглади йара», а на монгольском «иралаба йара». В словаре Н. Поппе монгольский вариант переводится как «рана затянулась» [7. П.197]. В данном случае речь идет не о излечении, а о воспалении раны. Это подтверждают и другие копии источника: [4. I24а] «иринглади қот» – «рананагноилась».

Сравнение вышеизложенного произведения Н. Поппе с базовым источником вносит ясности в перевод некоторых глаголов. Из-за отсутствия вариантов словаря Н. Поппе на арабском и персидском языках сравнивался вариант на монгольском языке, [3.236а.1] глагол «хатафаху» на тюрском приводится как «карди ани», на монгольском – «кармаба туни». Монгольский глагол «кармаба туни» у Н. Поппе комментируется на тюрском как «кармади ани» [7.П.294]. Глагол «хатафаху» с арабского переводится как «задержать его, поймать его» [1.227]. В данном примере более уместно приводить глагол в форме «кармади ани» – «задержал его, поймал его».

В основном списке [3.263а.2] арабский глагол «аддат ад-дахийату» переведен как «тилди анқа уйиқ бало». Здесь глагол «тилди» не передает смысл арабского глагола «попасть, натолкнуться». У Н. Поппе монгольский «курба тунду йэкэ бала [7.П.229] комментирован как «тэгди анқа улук бало» – «он попал в беду». Монгольский вариант глагола аналогичен с формой глагола в рукописи. Значит, вышеприведенный тюркский вариант «тилди» должен замениться вариантом «тегди». В этом случае он полностью раскрывает значение арабского глагола «он попал в беду».

В рукописи [3.513а.1] арабский глагол «истаъмара» на тюркский переведен как «изоҳат тилади», а на монгольском «ижозат эрибэ». Тюркское слово «изоҳат» означает «отдалиться, оградиться». Как

видно, это слово не передает смысл арабского глагола. И поэтому данный глагол на тюркском языке целесообразно передать как «ижозат тилади» – «просил разрешение».

Тюркский вариант «шифо тилади андин» – «попросил у него исцеления» кажется правильным переводом. Арабский вариант глагола «исташфааху» означает «попросил у него защиты». Но в словаре Поппе тюркский вариант переводится как «шафаъат тилади андин» – «попросил у него прощения, попросил у него защиты». В данном случае переписчик слово «шафоат» «защита» переписывает неправильно в виде «шифо» «исцеление».

Смысл фразы [3.233б.4] «илиги остига кэкурди ани» не полностью раскрыт в рукописи. Её монгольский вариант «гардора ачараба туни» в словаре Н. Поппе комментирован по-тюркски «илиги остига кэкурди ани» – «его подчинил себе» [7.П.174]. Значит в рукописи тюркский глагол переписан ошибочно в виде «кэкурди». В данном случае фраза «илиги остига келурди ани» – «его подчинил себе» совпадает со значением арабского глагола «дабатаху».

В тексте рукописи и переводах обнаружены одинаковые ошибки, которые не имеют никакого смыслового оттенка. Взамен их были взяты слова, подходящие по смыслу и контексту. Глагол «казаба бил-амри» – «не доверил работу, объявил работу ложной» в рукописи [3.423.1] переведен на тюркский в форме «итанмади ишни». Этот глагол и в словаре Н. Поппе комментирован как «итанмади ишни» и переведен в смысле «работу не начал». Арабская фраза «казаба бил-амри» означает «не доверил работу, объявил работу ложной». Это значение глагола подтверждают и другие рукописи: [5.95а.] «йолгон кўрди ишни», «ишни ёлгон деб билди» – «не доверил работу, объявил работу ложной». Основываясь на вышеизложенные данный глагол был изложен в виде «инанмади».

Арабское предложение в основной рукописи [3.440а.4] «ваххада-л-лаха таоло» на персидском приводится как «йеки хонд

тэнгри таоло ро» и на тюркском комментируется как «бэрди тэнгри таолони». Значение арабского, персидского и монгольского вариантов совпадают и означают «считал Аллаха единым». Вышеизложенные тюркский и монгольский формы в словаре Н. Поппе «бэрди тэнгри таала», «Аллах дал», «никэн кибэ тэнгри таала» [7.П.252] прокомментированы как «Аллах сделал одним». Тюркский глагол «берди» не совпадает с вариантами на арабском и персидском языках. Этот глагол переведен в других источниках [4.150б.3] как «йалгузлади тенгри таолони», и [5.101б.3] «бирлади тангрини» – «считал Аллаха единым». Значение глагола полностью раскрыт в монгольском варианте, но в словаре Н. Поппе пропущено окончание винительного падежа «йи» и предложение было прочитано как «никэн кибэ тэнгри таала» и в результате был изменен смысл предложения. На монгольском варианте рукописи к слову «таала» прибавлено окончание «йи» винительного падежа.

В заключении можно сказать, что Н. Поппе не собирался исследовать тюркский вариант, он с помощью тюркских слов комментировал монгольский вариант данного труда. Основная часть тюркского словаря прокомментирована правильно, но можно было избежать некоторых недостатков, если бы одновременно сравнивать арабский оригинал и персидский вариант. Поэтому работа над переводом многоязычных текстов требует от переводчика знания всех языков, включенных в произведение.

Библиографический список

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М., 1977. (АРС)
2. Древнетюркский словарь. – Л. : Наука, 1969. (ДТС)
3. Махмуд Замахшари. Мукаддаматы-л-адаб. Музей литературы АН РУз, рукопись инв. № 202. (МАО)
4. Махмуд Замахшари. Мукаддаматы-л-адаб. Центр восточных рукописей при ТашГИВ, рукопись инв. № 2699. (МАО)

5. Махмуд Замахшари. Мукаддамати-л-адаб. Центр восточных рукописей при ТашГИВ, рукопись инв. №3807. (МAB)
6. Махмуд Замахшари. Мукаддамати-л-адаб. Центр восточных рукописей при ТашГИВ, рукопись инв. №1497. (МАГ)
7. Поппе Н. Н. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб». – Ч. I-III. – М. –Л.: АН СССР, 1938–1939.
8. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. –СПб., 1893–1911. (РСл).
3. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Muzej literatury AN RUz, rukopis' inv. № 202. (MAA)
4. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Centr vostochnyh rukopisej pri TashGIV, rukopis' inv. № 2699. (MAB)
5. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Centr vostochnyh rukopisej pri TashGIV, rukopis' inv. № 3807. (MAV)
6. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Centr vostochnyh rukopisej pri TashGIV, rukopis' inv. № 1497. (MAG)
7. Poppe N. N. Mongol'skij slovar' «Mukaddimat al-adab». – Ch. I-III. – M. –L.: AN SSSR, 1938–1939.
8. Radlov V. V. Opyt slovarja tjurkskih narechij. T. I-IV. –SPb., 1893–1911. (RSI).

Bibliograficheskiy spisok

1. Baranov H.K. Arabsko-russkij slovar'. – M., 1977. (ARS)
2. Drevnetjurkskij slovar'. – L. : Nauka, 1969. (DTS)

© Исламов З. М., 2016